

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ

Север
ПОМНИТ ВСЕ

18+

СПЕЦНАЗ



ГРУ



Сергей Иванович Зверев
Пятнадцать лет молчания
Серия «Спецназ ГРУ. Боевые
романы Сергея Зверева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74048687

ISBN 978-5-04-249306-5

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В начале 2000-х в районе Новой Земли по невыясненным причинам погибла группа военных специалистов под руководством полковника Захарова. Сам Захаров выжил, но вынужден был молчать о случившемся...

Наши дни. В районе Карского моря совершено нападение на военный транспорт, перевозивший секретный комплекс связи. Важный груз похищен. Поиск и ликвидация налетчиков поручены группе спецназа ГРУ майора Игната Калинова. Он еще не знает, что противник, совершивший этот дерзкий акт, – его бывший наставник Захаров. Полковник решил на

преступление, чтобы привлечь внимание к тем давним роковым событиям, погубившим экспедицию военспецов...

Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами – такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков.

«У войны много лиц. А у того, кто достоверно пишет о ней, лицо Сергея Зверева. Этот автор знает о боевых действиях все. Кажется, он сам прошел эти суровые тропы только для того, чтобы без прикрас рассказать о тех, кто упорно продолжает идти по ним...» – Валерий ШАРАПОВ, автор ретро-детективов

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Иванович Зверев

Пятнадцать лет молчания

© Зверев С.И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Пролог

Пятнадцать лет назад

Архипелаг Новая Земля

Ветер здесь, казалось, рождался не из воздуха, а из ледяного безмолвия, что простиралось до самого полюса. Он не свистел – он выл, низко и протяжно, словно сама планета скорбела о чем-то безвозвратно утраченном. Это был звук абсолютного нуля, звук конца мира. Белая мгла – не снег, не туман, а нечто среднее, взвесь из микроскопических ледяных игл – пожирала небо и землю, сокращая видимость до трех метров, а Вселенную уменьшала до размеров собственного противогоза ГП-7В.

Именно в этой каше, в этой ледяной суспензии и застрял тогда Дмитрий Захаров.

Его отряд, восемь человек, вмерз в склон безымянного плато, как мухи в янтарь. Операция «Снежный щит». Звучало громко. На деле – рутинная, с точки зрения стратегов из теплых кабинетов, проверка нового арктического обмундирования «Ратник-Арктика» и навигационной системы «ГЛОНАСС-К» с планшетом «Эльбрус-4С» в противоударном кейсе «Броня-Компакт».

Но «ГЛОНАСС-К» час назад захлебнулась и умерла, вы-

дав на экран тактильного планшета «Эльбрус-4С» Захарова последнюю, насмешливую надпись: «СБОЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ. ПОИСК СИГНАЛА».

Они были слепы и глухи.

Захаров приник к прицелу на СВДС, но видел лишь белую кипящую стену из снежной взвеси. Температура упала до отметки в минус сорок пять градусов, и металл СВДС, казалось, прожигал рукав специального арктического камуфляжа «Горка-Арктика» даже через утепленную перчатку. Дыхание, вырываясь из-под маски ГП-7В, мгновенно превращалось в ледяную пыль, оседая инеем на шерстяной балаклаве «Маска-Норд».

– «Пульс», я – «Вулкан». Прием. – Его голос, искаженный радиопомехами и ветром, был последней попыткой докричаться до мира живых через УКВ-станцию. – Повторяю: «Пульс», я – «Вулкан». Навигация мертва. Уточните координаты. Какова наша цель?

В ответ – лишь шипение космического холода, сливавшееся с воем ветра. Эфир был пуст. Мертв. «Красуха-4М» – портативный комплекс РЭБ – глушил все волны в радиусе 10 км.

– Черт! – рывкнул сержант Морозов, самый молодой в отряде, прижимая к уху ладонь в толстой рукавице, словно это могло помочь. – «Пульс», ответьте! Где эти чертовы координаты? Вы нам их вчера по защищенному каналу сулили!

Захаров сорвал очки «Тепловик-Н» – они все равно за-

мерзали, превращаясь в две ледышки. Его лицо, обветренное, с жестким ртом и еще молодыми глазами, в которых уже тогда поселилась легкая усталость от происходящего абсурда, на мгновение оказалось открыто стихии. Ледяные крупинки впились в кожу, как крошечные раскаленные иглы. Он моргнул, пытаясь прояснить взгляд, пронизать эту белую тьму.

– Спокойно, сержант. – Голос у него был ровным, но внутри все сжалось в ледяной ком. – Эфир глушат. Неестественно глушат. «Леер-3» – мобильный комплекс – маскирует шум под фоновый.

– Кто? Кому мы тут можем помешать? Моржам? – выдавил Морозов.

Именно тогда из белой мглы прямо перед ними выросла тень.

Низкая, приземистая, нечеловеческих пропорций. Захаров инстинктивно вскинул автомат «АК-74М», его палец лег на спусковой крючок. Но это был не враг.

Это был их грузовик – арктический вездеход, брошенный ими полчаса назад, когда он напоролся на скрытую полынью и лед под ним начал трещать. Они отошли от него, пытаясь пешком выйти на точку сбора. И теперь он стоял перед ними как призрак, накренившись на пробоину в левом борту.

– Это... невозможно, – прошептал кто-то сзади. – Мы ушли на север. Он остался позади.

Логика, та самая, которую Захаров боготворил, рассыпа-

лась в прах. Они шли по компасу. По сломанному компасу. Их водили по кругу. Водила белая мгла и тот, кто ее контролировал, – «Борисоглебск-2», комплекс РЭБ, – искажал магнитное поле.

– Отход! Немедленно! – скомандовал Захаров, и в его голосе впервые зазвучала сталь, но говорил он так, не повинуюсь приказу, а из-за инстинкта самосохранения. – Назад к скалам! Ориентир...

Он не успел договорить.

С неба, сквозь вой ветра, ворвался другой звук – нарастающий, свистящий, металлический вой. Знакомый. Слишком знакомый.

– Миномет! – закричал старый прапорщик Леонов, ветеран Афгана, и его крик был полон не страха, а отчаяния, потому что старик знал: в этой мгле укрыться негде.

Первый снаряд ОФ-843 120-мм миномета разорвался в тридцати метрах позади. Снег и лед взметнулись фонтаном, черным на белом. Грохот оглушил. Второй лег ближе. Десять метров. Слева.

– Рассредоточиться! Ложись!

Но ложиться было некуда. Только в снег. Глубокий, пористый, бесполезный против осколков ОФ-843.

Третий разрыв пришелся точно в центр их крошечной, заблудившейся Вселенной. Захаров увидел, как сержант Морозов, тот самый, который только что ругался на «Пульс», просто исчез. Не упал, не крикнул – рассыпался в кровавый

туман, смешавшийся с ледяной пылью. Осколок размером с ладонь просвистел в считанных сантиметрах от головы Захарова, обдав его лицо градом ледяной крошки и чем-то теплым и липким.

Он не чувствовал страха. Только яростное, всепоглощающее непонимание. Кто? За что? Это же свои!.. Это же учения!..

– «Пульс»! – заорал он в рацию, и его голос сорвался на хрип. – Прекратите огонь! Свои! Мы свои! Вы слышите? СВОИ!

Ответом был четвертый разрыв ОФ-843. Ближе. Его подбросило взрывной волной, отшвырнуло назад, в сугроб. Удар о лед был тупым и безболезненным. Сознание поплыло. В ушах звенело. Он попытался встать, но его нога, правая, не слушалась. Он посмотрел вниз. Комбинезон ниже колена был разорван в клочья. Из раны, темной и глубокой, сочилась кровь, которая на морозе тут же сворачивалась и превращалась в бурую корку.

Он отполз, таща за собой не свое тело, а будто чужой, тяжелый груз. Укрылся за торосом – глыбой спрессованного льда, выброшенной на берег. Отсюда, из-за уступа, он увидел финал происходившего.

Прапорщик Леонов, старый афганец, стоял на коленях в снегу. Он не пытался укрыться. Он снял шлем, и его седые коротко стриженные волосы мгновенно покрылись инеем. Он смотрел в небо, в белую муть, откуда сыпалась смерть, и

что-то кричал. Захаров не слышал слов, но видел движение губ. Это было не проклятие. Это была молитва.

Пятый снаряд накрыл Леонова точно.

Когда грохот стих, наступила тишина. Не та, что была до этого, – наполненная воем ветра. А абсолютная. Глухая. Как в могиле. Ветер словно притих, затаился, наблюдая.

Захаров лежал за торосом, прижавшись щекой ко льду. Он не чувствовал холода. Не чувствовал боли в ноге. Он чувствовал только тяжесть. Невыносимую тяжесть семи жизней, которые только что растворились в белой мгле. Семью биографиями, прерванными по чьей-то ошибке. Или *не* по ошибке.

Он поднял голову. Его взгляд упал на тактильный планшет, валявшийся рядом. Экран был разбит, но где-то внутри, в его электронных мозгах еще теплилась «жизнь». На мертвом, потрескавшемся стекле замигал значок. Входящее сообщение. От «Пульса».

Он потянулся, пальцы в перчатке с трудом нашли сенсор. Сообщение было коротким. Всего одна строка, пришедшая с опозданием на пятнадцать минут.

«КООРДИНАТЫ УТОЧНЕНЫ. ЦЕЛЬ: ПОИСК И ОБЕЗВРЕЖИВАНИЕ УСЛОВНОГО ПРОТИВНИКА В КВАДРАТЕ 74-Б-9. ДАЛЬНЕЙШИЕ УКАЗАНИЯ ПОСТУПАТ ПО ЗАЩИЩЕННОМУ КАНАЛУ „Глобус-М“. ВЫПОЛНЯЙТЕ ПРОТОКОЛ. ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЕМ».

Квадрат 74-Б-9. Тот самый квадрат, в котором они сейчас

и находились. Квадрат, в который били их же минометы.

«Протокол». Это слово отпечталось в его сознании раскаленным железом. Они погибли из-за протокола. Из-за слепого, бездушного следования инструкции, отданной кем-то, кто сидел в тепле и даже не знал, что творится на «земле». Они были не солдатами, не людьми. Они были переменными в чем-то уравнении. Расходным материалом.

Он посмотрел на разбитый планшет. На мертвый экран. А потом его взгляд упал на рацию. Лежала рядом, целая. И в его голове, затуманенной болью и шоком, начала складываться картина. Слишком чистая, чтобы быть случайностью. Сбой навигации «ГЛОНАСС-К». Глушение эфира «Красуха-4М». Точечный, точнейший минометный огонь 2Б11. Их вывели на точку. Подставили. И убрали. Как брак в производстве.

Кто-то в «Центре» отдал приказ. Кто-то, для кого они были лишь цифрами в отчете. Для кого правда о провале «Снежного щита» была опаснее, чем семь трупов в арктической пустыне.

Дмитрий Захаров медленно, с нечеловеческим усилием, поднялся на колени. Его тело протестовало, рана в ноге горела огнем, но внутри него что-то замкнулось. Перегорело. Остался только холод. Холод, который был куда страшнее арктического.

Он снял с пояса личный жетон – не свой, а сержанта Морозова, который лежал в двух метрах от него, вернее, то, что

от него осталось. Кусок металла с выбитым номером и именем. Он сжал его в кулаке так, что металл впился в ладонь даже через перчатку «Арктик-Про».

– Я найду их. – Его голос был тихим, но в нем не было ни капли сомнения. Он говорил не с мертвыми. Он давал клятву самому себе. Вселенной. – Я найду тех, кто это сделал. И я заставлю их ответить. Перед вами. Перед всеми.

Он посмотрел на север, туда, где должен был быть полюс. Туда, где, как он знал, уже тестировали прототипы новых систем связи. Систем, которые он сам, Захаров, помогал разрабатывать в свободное от службы время. Системы, способные передавать информацию, которую невозможно перехватить или заглушить.

Один проект особенно выделялся. «Шифр-узел-9». ШУ-9. Дитяще его собственного ума. Квантовая связь на кубитах, абсолютно защищенная, скорость 10 гигабит в секунду через спутники «Гонец-М1». Тот, кто владел ШУ-9, владел правдой. Настоящей, неискаженной правдой.

Именно тогда, в ледяном аду Новой Земли, в мозгу Дмитрия Захарова и родился план. Не план мести – месть слишком примитивна. План возмездия. План обнародования. Он вернется. Он найдет ШУ-9. И он использует его, чтобы крикнуть на весь мир ту правду, которую «Центр» так тщательно скрывал. Он превратит оружие системы в оружие ее уничтожения.

Он стал выкапывать в снегу яму. Неглубокую. До льда. Ту-

да он сложил все, что осталось от его людей. Жетоны. Ключки формы. Обрывки снаряжения. Он не плакал – слезы бы замерзли на его глазах. Он просто работал, методично, как автомат.

Когда импровизированная могила была готова, он встал над ней.

– Протокол, – прошептал он, и это слово звучало как самое страшное ругательство. – Ваш протокол кончился. Начинается мой.

Развернувшись, он, хромя, пошел на юг, ориентируясь по внутреннему чутью, по памяти, по тому, что осталось от его логики. Он шел, оставляя за собой кровавый след на белоснежном саване Арктики. Он шел, не оглядываясь. Ему было нечего терять. Он уже был мертв. Теперь в его жилах будто застыла кровь.

А ветер, тот самый, что пятнадцать минут назад выл, словно скорбя, теперь стих. И в наступившей тишине, нарушаемой лишь хрустом снега под его ботинками, слышалось лишь одно – тиканье невидимых часов. Часов, отсчитывающих время до того дня, когда он, Дмитрий Захаров, вернется. Не как офицер. А как призрак. Как воплощенная совесть системы, пришедшая за своим долгом.

И Арктика, эта безжалостная, равнодушная белизна, хранила его секрет. Она приняла в свои объятия мертвых. И она же отпустила живого мертвеца, дав ему шанс изменить будущее, искупив прошлое. Но искупление, как знал Захаров,

никогда не дается даром. За него всегда приходится платить.
Собой.

Глава 1

Атомный ледокол «Вайгач» разрезал двухметровый лед Карского моря с методичной, почти зловещей плавностью. Тысячи тонн стали скользили сквозь ледяное крошево, оставляя за собой черную полынью, которая тут же начинала затягиваться более тонким льдом. Стоя на капитанском мостике, майор Игнат Калинов наблюдал за этим процессом с холодным аналитическим интересом. Лед всегда смыкался. Природа стремилась к равновесию, к забвению. Это был единственный закон природы, который он уважал больше, чем воинский устав.

– Температура за бортом минус сорок два, – доложил вахтенный офицер, молодой капитан-лейтенант с обветренным лицом, сверяясь с метеостанцией. – Давление растёт. К утру ждите шторм.

Калинов кивнул, не отрывая взгляда от ледяной пустыни за бронированным стеклом с антиобледенительным покрытием. Его собственное отражение – строгое, с жестко очерченным ртом и глазами, в которых читалась не усталость, а скорее перманентная концентрация внимания, – накладывалось на пейзаж вечной зимы. Он был одет в легкий темно-синий камуфляж оперативника ГРУ «Шторм-Арктика» без знаков различия. На его груди висел планшет «Эльбрус-8СВ» с постоянно обновлявшимися криптографиче-

скими ключами.

– Статус «изделия»? – спросил он, и его голос, ровный и лишенный эмоций, идеально сочетался с монотонным гулом ледокола.

– ШУ-9 в трюме номер четыре. Температурный режим в норме. Датчики «Тепловик-Н» не показывают отклонений. – Офицер щелкнул переключателем на консоли «Горизонт-М». – «Центр» запрашивает ежечасный отчет. Шифр «Валькирия» через канал «Глобус-М».

– Подтвердите получение. Стандартный протокол, – отчетливо Калинов. – Никаких деталей.

– Есть!

Калинов отвернулся от окна и направился к выходу с мостика. Его шаги были бесшумными, отработанными до автоматизма. Каждый его жест, каждое движение были частью тщательно выверенного алгоритма. Он был не просто офицером. Он был «протоколом», живым воплощением служебной инструкции. Для него не существовало «почему». Существовало только «как».

Спускаясь по узким трапам вглубь корабля, он чувствовал легкое, почти незаметное сжатие в груди. Клаустрофобия. Его личный демон, тщательно скрываемый недостаток. Он глубже вдохнул прохладный, пахнущий машинным маслом и озоном воздух, заставил легкие работать в заданном ритме. Контроль. Всегда контроль.

Трюм номер четыре был самым защищенным местом на

ледоколе. Герметичная стальная дверь с кодовым замком и биометрическим сканером. Калинов приложил ладонь к сенсору, ввел шестнадцатизначный код. Замки щелкнули с тихим шипением.

Внутри царил полумрак, нарушавшийся лишь слабым свечением светодиодных ламп. В центре, на специальной амортизирующей платформе, стоял контейнер. Небольшой, размером с гроб, матово-черный, без опознавательных знаков, – термokonтейнер «Крипто-Бокс». «Шифр-узел-9». ШУ-9. Самое совершенное творение военной криптографии. Квантовый передатчик, способный посылать сообщения, которые в принципе невозможно перехватить или расшифровать. Ключ к абсолютно безопасной связи. Или к абсолютной власти.

Калинов подошел к контейнеру, проверил показания датчиков. Все в норме. Температура, влажность, вибрация. «Изделие» спало. Оставалось лишь доставить его в пункт назначения – на секретную базу «Полюс-7». Простая рутинная операция. «Протокол перевозки особо ценных активов».

Он обошел контейнер; его взгляд скользнул по сварным швам. Идеально. Все было идеально. Как и должно было быть. Он не испытывал ни гордости, ни волнения. Только удовлетворение от правильно выполняемой функции. Он был шестеренкой в огромном механизме. И гордился тем, что зубцы механизма сцеплялись безупречно.

– Майор.

Он обернулся. В дверях стоял старший лейтенант Олег Воронов, Байкал. Высокий, молчаливый, с лицом, которое казалось высеченным из гранита. Снайпер. Специалист по выживанию. Его арктический камуфляж был безупречно чист, но на локте виднелся едва заметный порез – след недавней проверки оружия ОРСИС Т-5000.

– Докладывайте, – сказал Калинов.

– Внешний периметр чист. Радары фиксируют только лед. Эфир забит помехами естественного происхождения. Солнечная активность.

– Естественного? – уточнил Калинов.

– Да, майор. Уровень ионосферных возмущений соответствует прогнозу. Никаких следов РЭБ-подавления.

Калинов кивнул. Все шло по плану. По протоколу.

– Продолжайте наблюдение. Следующая проверка через два часа.

– Есть!

Воронов развернулся и бесшумно скрылся в полумраке коридора. Калинов снова остался наедине с «изделием». Он положил ладонь на холодный металл контейнера. Не было ни трепета, ни благоговения. Только осознание ответственности. Он отвечал за этот ящик. Его задача – доставить его целым. Все остальное было несущественно.

Вернувшись в свою каюту – стерильное помещение с койкой, столом и заблокированным иллюминатором, – он сел перед монитором. Экран был разделен на несколько секто-

ров: карта с маршрутом ледокола «Вайгач» через систему «ГЛОНАСС-К»; данные о погоде с «Метеоролог-Арктика»; зашифрованный канал связи с «Центром» «Глобус-М». И отдельное окно – биометрические показания его собственного организма через датчик. Он был идеальной машиной. И, как всякая машина, требовал регулярной диагностики.

Он взял со стола небольшую потертую фотографию. Единственная личная вещь, которую он позволил себе иметь. На ней – молодой полковник Дмитрий Захаров и он сам, двадцатилетний лейтенант, на фоне песчаных дюн какого-то безымянного полигона. Захаров улыбался, его рука лежала на плече Калинова. «Логика – твой лучший друг, Игнат, – говорил тогда Захаров. – Но не забывай, что у врага тоже есть мозги. Иногда даже очень хорошие».

Калинов положил фотографию на стол. Захаров. Его наставник. Человек, который сделал из него офицера. Пропал без вести пять лет назад во время испытаний в Арктике. Официальная версия – несчастный случай: падение в полынью. Калинов никогда не верил в эту версию. Захаров был слишком умен, чтобы умереть так глупо. Но вера и протокол были разными вещами. Протокол гласил: «Считать полковника Захарова Д. К. погибшим». И он следовал протоколу.

Он закрыл глаза, позволив себе на несколько секунд отключиться. Внутренний монолог – единственное, что оставалось от его личности, – зазвучал в голове с привычной, циничной ясностью. «Ты везешь самый совершенный инстру-

мент для передачи информации – ШУ-9. Инструмент, который мог бы спасти жизни. Который мог бы предотвратить войны. И ты везешь его на секретную базу, где его упрячут в сейф, и, возможно, он никогда не увидит свет. Потому что такова воля „Центра“. Потому что так предписывает протокол. А что, если протокол ошибается?».

Он резко открыл глаза. Вопрос был еретическим. Опасным. Логика не терпела сомнений. Либо система работает, либо нет. Либо ты доверяешь алгоритму, либо разрушаешь его. Он – доверял.

Он ввел команду. На экране появился новый набор данных. Отчет о текущем состоянии «изделия» через «Тепловик-Н». Он просмотрел его, нашел мелкую аномалию – незначительное колебание температуры в контуре охлаждения. В пределах нормы, но... неидеально.

Он взял микрофон внутренней связи.

– Техническая группа – в трюм четыре. Немедленно! Проверить систему терморегуляции «изделия».

– Есть, майор!

Через три минуты в трюме уже работали два техника под наблюдением прапорщика Дятлова, Мороза. Коренастый, молчаливый, с руками, привыкшими к гаечным ключам и паяльникам. Он лично проверил каждый контакт, каждый датчик.

– Все в норме, майор, – доложил он, вытирая руки о ветошь. – Сбой датчика. Заменял. ШУ-9 стабильно.

– Хорошо. – Калинов снова взглянул на показания. Теперь все было идеально. – Возвращайтесь к своим обязанностям.

Он остался один, глядя на черный контейнер. На несколько секунд его взгляд задержался на едва заметной царапине на боковой панели. След транспортировки. Несовершенство. Оно резануло его по живому. В его идеально выстроенном мире не было места случайностям. Все должно было работать как часы. Особенно то, что касалось ШУ-9.

Он вспомнил последний разговор с Захаровым перед его исчезновением. Они сидели в таком же кабинете, на такой же базе. Захаров был необычно молчалив. «Они боятся его, Игнат, – сказал он вдруг, глядя в стену. – ШУ-9. Боятся, потому что он отнимает у них последнюю возможность врать. Тот, кто контролирует информацию, контролирует все. А тот, кто контролирует правду... тому не нужен контроль». – «Это оружие, товарищ полковник, – ответил тогда Калинов. – Как и любое оружие, оно должно быть под контролем». – «Оружие? – Захаров горько усмехнулся. – Нет. Это зеркало. И когда они посмотрят в него, они увидят свое настоящее лицо. Им это не понравится».

Тогда Калинов не понял этих слов. Считал их метафорой, поэтическим преувеличением. Теперь, глядя на холодный ящик с самой совершенной технологией – ШУ-9, – он начинал смутно догадываться. ШУ-9 был не просто оружием. Он был воплощенной истиной. А истина, как известно, умеет быть опаснее любой бомбы.

Он потянулся к рации.

– Байкал, доложите обстановку.

– Все спокойно, майор. Лед, ветер, тишина.

– Удвойте бдительность. До базы «Полюс-7» осталось во-
семнадцать часов.

– Есть!

Калинов вышел из трюма; тяжелая дверь «Титан-ГРУ» закрылась за ним с глухим стуком. Он пошел по коридору, его шаги отдавались эхом в металлических стенах. Он был всего лишь исполнителем. Звенюм в цепи. Его работа – доставить груз. А что будет с этим грузом потом... это не его дело. Его дело – протокол.

И где-то там, в ледяной пустыне, которую они сейчас рас-
секали на ледоколе «Вайгач», тикали те самые невидимые
часы, что начали свой отсчет пятнадцать лет назад. Часы, чей
бой он пока еще не слышал. Но они тикали. И с каждой прой-
денной милей их тиканье становилось все громче.

Глава 2

Ночь опустилась на Арктику стремительно, как черный занавес. Атомный ледокол «Вайгач» продолжал свой путь сквозь ледяную пустыню, но теперь его мощные прожекторы выхватывали из тьмы лишь призрачные очертания айсбергов и торосов. Майор Калинов стоял в центре оперативного зала, изучая тактический экран «Эльбрус-8СВ». Его поза была неподвижной, но каждый мускул находился в состоянии готовности. Протокол предписывал максимальную бдительность в ночное время.

– Смена вахты прошла в штатном режиме, – доложил капитан-лейтенант. – Экипаж сокращен до минимального состава согласно инструкции «Протокол ночного дежурства».

Калинов кивнул; его пальцы бесшумно пробежали по сенсорной панели «Эльбрус-8СВ». На экране мигали зеленые точки – датчики системы безопасности «Тепловик-Н», установленные по всему кораблю. Все в норме. Эта идеальность начинала вызывать у него легкое раздражение, словно природа затаила дыхание перед ударом.

– Байкал: на позиции, – раздался в наушниках спокойный голос. – Внешнее наблюдение. Никакого движения.

– Подтверждаю, – добавил прапорщик Дятлов с технического поста. – Все системы работают в штатном режиме. ШУ-9 стабильно.

Калинов сделал круг по оперативному залу. В его внутреннем голосе, обычно бесстрастном, начали появляться тревожные ноты. *Слишком тихо. Слишком спокойно.* Арктика никогда не бывала по-настоящему спокойной. Она либо бушевала, либо затаивалась, готовясь к атаке.

– Капитан-лейтенант, – обратился он к вахтенному офицеру. – Прикажете усилить наблюдение за гидролокатором. Особое внимание – подледной активности.

– Есть, товарищ майор!

Калинов подошел к иллюминатору с антиобледенительным покрытием. За толстенным бронированным стеклом клубилась ледяная мгла. Видимость упала до нуля. Белая тьма. Идеальные условия для нападения, если бы кто-то осмелился напасть на атомный ледокол. Логика подсказывала, что это невозможно. Но где-то в глубине сознания шевелилась червоточина сомнения.

Он спустился в свою каюту, чтобы провести плановую проверку систем связи. Монитор «Эльбрус-8СВ» показывал стабильную работу всех каналов. Зашифрованный поток данных в «Центр» шел без помех. И все же... Он увеличил масштаб дисплея, изучая спектрограмму радиосигналов. Почти незаметная аномалия на краю диапазона. Слабое эхо, которого там быть не должно.

– Цифра, – вызвал он на связь капитана Смирнова, молодого специалиста по РЭБ. – Проведите глубокий анализ эфира. Диапазон две целых четыре десятых гигагерца. Ищи-

те артефакты.

– Уже работаю, майор, – почти сразу ответил Смирнов. – Обнаружил фоновый шум. Слишком равномерный для природного явления. Похоже на маскировку «Леер-3».

Калинов почувствовал, как мышцы спины напряглись. Его пальцы сами потянулись к кобуре с пистолетом. Протокол. Нужно было действовать по протоколу.

– Повысить уровень готовности до «Омега», – отдал он приказ. – Без объявления тревоги. Тихий режим.

– Есть!

Он вышел в коридор и быстрым шагом направился к трюму номер четыре. Его шаги эхом отдавались в металлических переходах. Клаустрофобия снова дала о себе знать: стены будто сдвигались, потолок давил. Он заставил себя дышать ровно. «Контроль. Всегда контроль».

У тяжелой двери с кодовым замком и биометрическим сканером его уже ждал Воронов. Снайпер стоял неподвижно, его лицо в полумраке казалось каменной маской.

– Ничего подозрительного, майор, – тихо доложил он. – Но интуиция шепчет: слишком тихо.

Калинов кивнул. Он доверял интуиции Байкала почти так же, как собственным расчетам. Воронов провел в Арктике достаточно времени, чтобы чувствовать ее «настроение».

– Остаемся на позиции, – распорядился Калинов. – До утра.

Он приложил ладонь к сканеру, ввел код. Замки щелкну-

ли. Дверь отъехала в сторону. В трюме по-прежнему царил полумрак, нарушаемый лишь слабым свечением аварийных ламп. Черный контейнер с ШУ-9 стоял на своем месте, датчики мигали зеленым светом.

И тут свет погас. Полная темнота. Аварийное освещение не включилось. Глухая тишина, нарушаемая лишь нарастающим гулом где-то в глубине корабля. Сирены не звучали – кто-то отключил систему оповещения.

– Цифра! Доложите обстановку! – резко скомандовал Калинов в рацию.

Ответа не было. Только шипение пустого эфира.

– Глушение, – сквозь зубы процедил Воронов. – Профессиональное.

Калинов инстинктивно прижался к стене, выхватывая пистолет. Его мозг работал с холодной скоростью. Атака. Целевая, направленная, подготовленная. Цель – ШУ-9. Нарушены все системы связи и управления. Протокол предписывал в такой ситуации защищать «изделие» любой ценой.

– Байкал, прикрывай вход! Никого не пускать!

– Понял!

Из темноты донесся щелчок – Воронов снял «АК-12» с предохранителя. Калинов же двинулся в глубь трюма, к контейнеру. Его глаза постепенно привыкали к темноте. Он знал каждый сантиметр этого помещения.

И тут из вентиляционной шахты стали срываться капли воды. Не воды – конденсата. Резкий, химический запах. Газ

«Новичок-А»!..

– Маски ГП-9! – скомандовал он.

Но было уже поздно. Его глаза застилала пелена, в горле першило. Он нащупал противогаз, надвинул его на лицо. Рядом с ним Воронов уже стрелял из автомата куда-то в темноту.

– Не вижу противника! – сквозь маску прокричал Байкал. – Стреляют отовсюду!

Калинов понял: это не просто нападение. Это хорошо спланированная операция. Противник использовал темноту, газ и, судя по всему, маскировочные костюмы «Леший-Арктика», скрывающие тепловое излучение. Профессионалы высочайшего класса!

Он попытался выйти на связь с мостиком. Мертвый эфир. Значит, атака идет по всему кораблю. Скоординированно.

Внезапно свет включился. Яркий, слепящий. Калинов на мгновение ослеп. Когда зрение вернулось, он увидел, что Воронов лежал на полу скрученный. Над ним стояли три фигуры в арктическом камуфляже без опознавательных знаков. Их движения были отточенными, быстрыми.

– Не двигаться, майор, – раздался спокойный голос.

Калинов замер. Он видел, что сопротивление было бесполезно. Противник превосходил числом и был лучше подготовлен к действиям в таких условиях. Его пальцы разжались, пистолет упал на пол.

Один из нападавших подошел к контейнеру. Достал ка-

кой-то прибор, провел им по замкам. Послышался тихий щелчок. Контейнер открылся.

Калинов наблюдал, как незнакомцы извлекали из контейнера блоки ШУ-9. Их действия были выверенными, будто они превосходно знали конструкцию «изделия». Никакой суеты. Четкий протокол.

– Кто вы? – спросил Калинов, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Тот, кто, судя по всему, был лидером группы, обернулся. Его лицо скрывала маска ГП-9, но глаза... Холодные, пронзительные. Знакомые.

– Мы – те, кто пришел за правдой, майор, – прозвучал ответ. Голос был изменен, но в интонации угадывалось что-то...

Нападавшие закончили погрузку. Они упаковали блоки ШУ-9 в специальные термоконтейнеры и быстрым шагом направились к выходу.

– Вы не понимаете, что делаете, – сказал Калинов. – Это – оружие.

Лидер группы на мгновение остановился у выхода.

– Нет, майор. Это единственное, что не является оружием в этом проклятом месте.

Дверь закрылась. Калинов услышал, как щелкнули замки, – их заблокировали снаружи. Через несколько минут свет снова погас, но на этот раз включилось аварийное освещение. Газ прекратил поступать.

Он подбежал к Воронову. Тот был без сознания, но жив. Значит, нападавшие не ставили целью убить. Только захватить.

Калинов поднял свою рацию: эфир по-прежнему молчал. Он подошел к стене, сорвал защитную панель с аварийного телефона: трубка была мертвой.

Он остался один в полумраке трюма. Рядом – пустой контейнер. И гнетущее чувство собственного бессилия. Он, майор Игнат Калинов, Протокол, допустил непростительное. Потерял вверенный ему актив. Самый ценный актив страны!

Его внутренний монолог зазвучал с новой, горькой силой. «Ты был слишком уверен в себе. Слишком верил в систему. В протоколы. А противник оказался умнее. Он изучил тебя. Изучил все твои процедуры. И сыграл против тебя по твоим же правилам. И ты проиграл. Потерпел поражение в первом же столкновении».

Он ударил кулаком по стенке контейнера. Боль пронзила руку, но была ничтожной по сравнению с болью от осознания провала.

Через полчаса дверь трюма открылась. На пороге стоял капитан Смирнов, Цифра. Его лицо было бледным.

– Связь восстановлена, майор. Нападавшие ушли на подледном аппарате «Арктур». Мы не смогли их засечь гидролокатором.

– Потери? – спросил Калинов, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Минимальные. Несколько человек получили легкие отравления газом «Новичок-А»...

– Байкал?

– В сознании, – доложил Воронов, поднимаясь. – Простите, майор. Не сдержали.

Калинов молча вышел из трюма. Его шаги были тяжелыми. Он поднялся на мостик. Экипаж корабля смотрел на него с ожиданием и вопросительно: что дальше?

Он подошел к главному коммуникатору, набрал код экстренной связи с «Центром».

– «Вайгач» вызывает «Центр». Криптоним «Валькирия». Код ситуации: «Полярный волк». Повторяю: «Полярный волк».

На том конце линии возникла пауза. Затем голос оператора, холодный и безэмоциональный, произнес:

– Подтверждаем: «Полярный волк». Ожидайте инструкций.

Калинов положил трубку. Он обернулся, глядя на растерянные лица экипажа. И в этот момент его внутренний монолог обрел новую, стальную окраску.

«Ты проиграл битву. Но не войну. Они забрали ШУ-9. Но они оставили тебя в живых. И это была их ошибка. Теперь это личное. Ты найдешь их. Найдешь того, кто посмел пройти сквозь твою защиту. И ты вернешь ШУ-9. Или уничтожишь его. И того, кто его похитил».

Он посмотрел на пустой экран радара. Где-то там, в ле-

дяной пустыне, скрывался Полярный Волк. И Калинов знал:
охота только начинается...

Глава 3

Серый безликий свет московского утра резал глаза, словно тонкие лезвия, впиваясь в переутомленную сетчатку. Самолет «Ил-76», доставивший его с остатками команды «Вайгача» на закрытый военный аэродром Чкаловский, стоял на краю взлетной полосы, его мощный фюзеляж покрывал призрачный кристаллический слой инея – последнее, цепкое дыхание Арктики, не желавшее отпускать их. Оно висело в воздухе, смешиваясь с запахами авиационного керосина и выхлопных газов, создавая густую, удушливую атмосферу чужеродности. Майор Калинов медленно, почти механически спустился по трапу; его тело одеревенело не столько от усталости, сколько от невыносимой, свинцовой тяжести провала, лежавшей на плечах огромным грузом. Каждый мускул, каждое сухожилие ныло от напряжения последних суток и от неподвижности во время долгого перелета. Воздух Подмосковья, густой от влаги и промышленных испарений, казался ему вязким, почти враждебным после стерильной, ледящей чистоты ледяных просторов, к которой успели привыкнуть его легкие.

Его встретил невысокий поджарый офицер в штатской, безупречно выглаженной одежде, с лицом-маской, не выражавшим ровным счетом ничего – ни любопытства, ни сочувствия, ни осуждения.

– Майор Калинов, за мной, – приказал он.

Его без лишних слов повели к матово-черному микроавтобусу УАЗ «Патриот» с тонированными до состояния непроницаемости стеклами. Внутри салона пахло дорогой кожей, озоном от работающей электроники и слабым, едва уловимым ароматом антисептика. Никаких вопросов, никаких формальностей, никакого протокола идентификации. Двери закрылись с тихим, но окончательным щелчком высокоточной механики, отсекая его от внешнего мира и погружая в искусственно созданную звукоизолированную реальность. Городские пейзажи, мелькавшие за окном: серые панельные многоэтажки, рекламные щиты, потоки машин, – воспринимались как чуждая, бессмысленная кинохроника, не имеющая к нему никакого отношения. Его мозг, отточенный годами криптоанализа и тактического прогнозирования, навязчиво продолжал вхолостую прокручивать события той роковой ночи. Кадр за кадром, словно заевшая пластинка. Момент, когда погас свет и погрузил все в абсолютную, угольную темноту. Резкий химический запах газа, впивавшийся в слизистую оболочку. Призрачные фигуры в камуфляже, движущиеся в кромешной тьме с пугающей, отработанной точностью. И главное – глаза того человека, лидера группы... Холодные, пронзительные, спокойные. Знакомые. Эта мысль, как незаживающая заноза, сидела в глубине подкорки, отказываясь обрести четкую, логичную форму, но неумолимо терзая его.

Микроавтобус, не снижая скорости, плавно проследовал через несколько КПП на территорию штаб-квартиры ГРУ на Хорошевском шоссе. Здание-монолит, цитадель, где рождались и умирали судьбы целых операций и тысяч людей... Его провели по длинным коридорам без окон, похожим на лабиринт и освещенным холодным безжизненным светом люминесцентных ламп. Воздух был густым, спертый от абсолютной тишины и кондиционированного холода, пахло старыми бумагами, пластиком и озоном. Клаустрофобия, притихшая на время в арктических просторах, снова подняла свою уродливую голову. Стесненное пространство микроавтобуса сменилось давящей теснотой коридоров; стены, окрашенные в унылый зеленый цвет, будто бы неумолимо сближались, а низкий потолок давил на темя почти с физической, осязаемой силой. Он заставил себя дышать глубже и ровнее, сконцентрировавшись на тактильных ощущениях: жесткий линолеум под подошвами армейских берцов, шероховатость ткани форменных брюк на бедре, холодная поверхность планшета, который он сжимал в руке.

Дверь в самом конце главного коридора беззвучно отворилась, впустила его внутрь и так же беззвучно закрылась за его спиной. Кабинет был просторным, но аскетичным до предела. Никаких лишних деталей, никаких намеков на личные предпочтения хозяина – только строгая, пугающая своей бездушностью функциональность. Массивный стол из темного, почти черного дерева, на нем – три крупноформат-

ных монитора, в данный момент выключенные, их черные экраны отражали тусклый свет. У дальней стены – огромная, во всю ширину, тактическая карта Российской Арктики, испещренная множеством значков, линиями маршрутов и секторами. Перед картой, повернувшись к нему спиной, стоял высокий, сухощавый, но с мощными плечами мужчина в военной форме с погонами генерал-лейтенанта. Арсений Павлович Волков, начальник управления, человек, чьей личной подписью был санкционирован приказ на транспортировку ШУ-9. Человек, в чьих руках сейчас находилась его судьба.

Волков неспешно обернулся. Кожа на его лице, испещренном глубокими морщинами, была задубелая из-за кавказского солнца и северных ветров. Глаза цвета мокрого асфальта изучали Калинова с безразличной, почти лабораторной тщательностью, не выражая ни гнева, ни разочарования.

– Доложите обстановку, майор. Детально. – Его голос был низким, глухим, словно доносящимся из-под толщи бетона и стали и лишенным каких бы то ни было эмоциональных вибраций.

Калинов инстинктивно встал по стойке смирно и отчеканил. Он методично, последовательно опускал все личное, вымарывал малейшие намеки на эмоции, на собственную оценку происшедшего. Только голые, неопровержимые факты. Внезапное полное отключение энергии на ледоколе. Профессиональное, многоуровневое РЭБ-подавление, заглушавшее все каналы связи. Применение неизвестного химическо-

го агента быстрого нейропаралитического действия. Хирургически точный, молниеносный захват «изделия». Последующее исчезновение на высокотехнологичном подледном аппарате. Он сознательно не стал упоминать о смутном ощущении, что глаза лидера нападавших принадлежали знакомому ему человеку. Это была пока лишь смутная догадка, эфемерное подозрение, а протокол, как и его разум, не терпел ничего, что не могло быть подтверждено железными доказательствами.

– Потери? – спросил он, когда Калинов наконец замолчал, исчерпав сухой перечень фактов.

– Три человека из экипажа ледокола получили отравления легкой степени, госпитализации не требуют. Старший лейтенант Воронов был физически нейтрализован в ходе прямого столкновения, но жив, серьезных травм не получил. Безвозвратных потерь нет, – отчетливо доложил Калинов.

– Удивительная, почти хирургическая избирательность, – заметил Волков, и в его голосе впервые прозвучали нотки чего-то, отдаленно напоминающего заинтересованность. – Не убивать, но эффективно обездвигать. Забрать актив колоссальной ценности, но сознательно сохранить жизни практически всего экипажа... Каковы ваши предварительные выводы, майор?

Внутренний монолог Калинова зазвучал с новой силой. «Выводы? Вывод первый: они знали наши внутренние протоколы безопасности лучше, чем мы сами. Они играли на

нашем поле и по нашим правилам, но всегда были на ход впереди. Вывод второй: они были психологически и технически готовы к нашему сопротивлению, но их задачей было не подавление, а минимизация человеческих жертв. Вывод третий: единственная и безусловная цель – исключительно ШУ-9. Никакого акта террора, никакого устрашения, никакого политического заявления. Чистая, выверенная до нанометра операция по изъятию конкретного объекта. Но зачем? Какой в этом высший смысл?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.